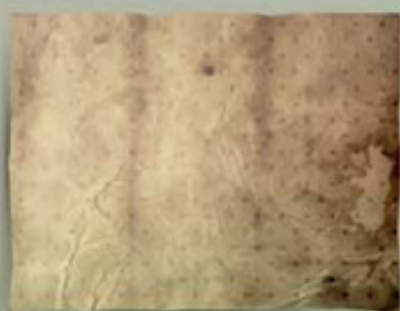

Виктория Токарева

Короткие гудки

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева

Короткие гудки (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2012

Токарева В. С.

Короткие гудки (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2012

Любовь побеждает не только расставания и смерть, но даже предательство, обиды и ненависть... Герои нового сборника Виктории Токаревой приходят к осознанию этого через неизбежные человеческие страдания, противоречивые повороты судьбы. Что-то неуловимое и всепрощающее вдруг оказывается сильнее страстей человека. И уже никто никого не судит, у каждого свои столкновения с собой и миром, свои поиски сквозь ошибки. «Пушкинское спокойствие» – так можно сказать о прозе Виктории Токаревой. Ее произведения утешают, помогают видеть жизнь как нечто неразгаданное.

© Токарева В. С., 2012

© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Рассказы	5
Хрустальный башмачок	5
Брат и сестра	8
Короткие гудки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктория Токарева

Короткие гудки

Рассказы

Хрустальный башмачок

В моем доме оказалась новая домработница Лиля. Она была похожа на королеву со старинных гравюр: вислый нос, выпученные глаза. Невысокая, хрупкая, очень умелая и постоянно грустная. Я прозвала ее Воркута, поскольку там вечная полярная ночь и почти не бывает солнца.

Лиле – сорок шесть лет, выглядела моложе. Она вышла замуж в двадцать лет. Муж пил, дрался и изменял. Полный набор. Хотя бы что-то одно: пьяница или бабник. Но тут – и первое, и второе, и третье. Он еще и дрался, и норовил попасть кулаком в лицо.

Лилия работала учительницей в младших классах, человек с образованием, и вдруг – фингал под глазом. Являться с фингалом в школу было неудобно, но приходилось. И дети наблюдали, как синяк постепенно менял свой цвет: от фиолетового до лимонно-желтого.

Соседями Лили по этажу были молодожены – Костя и Маша. Костя – автомеханик, золотые руки. Маша – воспитательница в детском саду. Они приходили в гости и сидели рядышком, плечико к плечу. Маша смотрела на мужа с восторгом и называла его «котик». А он ее – «кисочка». И было видно, что у них – любовь. Они только и ждут, чтобы вернуться домой и остаться наедине.

Наблюдать чужое счастье при отсутствии своего было невыносимо. Мучила несправедливость судьбы: почему одним все, а другим ничего?

Лилия часто думала о Косте в самые неподходящие моменты, а именно в моменты интимной близости с мужем или на педагогическом совете. Она закрывала глаза и грезилась наяву.

У Кости были очень красивые руки с длинными, сильными пальцами. А у мужа пальцы тоненькие, как венские сосиски. Кстати, насчет сосисок: они были вовсе не венские, а отечественные, халтурные, практически без мяса. Перестройка разрушила все производства, в том числе мясоперерабатывающие. И водка стала паленая. Муж отравился такой водкой насмерть. Умер в одночасье.

Лилия хотела подать в суд, но кто будет разбираться? Суды тоже оказались паленые. Кто больше заплатит, тот и прав.

Лилия решила податься в Москву на заработки. У нее было две задачи: заработать денег и найти мужа.

Лилия – домашняя семейная женщина. Женское счастье она представляла себе, как в песне: «Был бы милый рядом, ну а больше ничего не на-а-до». Ничего. Только милый рядом. Такой, как Костя. Но Костя – занят. Значит, другой. Похуже. Она и другого полюбит, лишь бы существовал в натуре: ел, спал, разговаривал, уходил и приходил, зарабатывал.

Первое время Лилия работала на рынке, продавала моющие средства. Приходилось целыми днями стоять на ветрах, дождях и солнцепеке, в зависимости от времени года. Обманывать не умела, деньги шли с трудом. Преуспевали наглые и вороватые. Лилия не могла ловчить, не умела постоять за себя, в крайнем случае – плакала. Но кому нужны ее слезы? Никому. Поэтому она плакала себе и по ночам.

Что касается любви – образовался хохол. Он работал на стройке разнорабочим. Специальности у него не было, поэтому прораб поставил его вместо бетономешалки. Хозяин жидился дать деньги на бетономешалку, приходилось делать бетон вручную: цемент, песок, вода – и перемешивать. Рабский труд.

Хохол пил, само собой, но агрессивным не становился. Наоборот: покладистый и нежный. Целовал Лиле пальцы на руках и на ногах. Приходилось каждый день мыть ноги и делать педикюр.

Хохол пел Лиле красивые песни на своем языке: «В човни дивчина писню спивае, а козак чуе сэрдэнько мрэ...»

У Лили замирало сердце от красоты и нежности. Его ласки падали на засохшую душу, как благодатный дождь. Она даже прощала хохлу его пьянство. Оно как-то не мешало. Счастья от хохла было больше, чем неудобств.

– Женись на мне, – предлагала Лиля.

Хохол отмалчивался. Смотрел в одну точку.

Дело в том, что хохол был женат и у него имелся сын Тарас. Жену можно было бы заменить на Лилю, но Тарас был незаменим. Мальчику шестнадцать лет. Впереди – высшее образование, чтобы в дальнейшем он не работал бетономешалкой. Обучение стало платным. Хохол работал на образование сына. И эта высокая цель оправдывала всю его нетрезвую рабскую жизнь.

Лилия бесилась. Она хотела иметь хохла в полном объеме, а не в среду и пятницу с девяти вечера и до девяти утра.

Постепенно она добилась совместного проживания. Стали снимать комнату. (Платила Лилия.) Она готовила хохлу борщи, он съедал по две тарелки сразу. Он позволял себя кормить и сексуально обслуживать. Но позиция хохла была крепка: любить – да, а жениться – нет. Жаме, как говорят французы.

В конце концов Лилия обиделась на хохла и уехала к себе в Кишинев. Дома оказалось еще хуже: одна в пустых стенах и никаких денег. Соседи – Котик и Кысочка – не навещали. Кысочка чем-то болела, лежала по больницам. Котик страдал, заботился, навещал. Соседям было не до Лили.

Хохол настойчиво посылал эсэмэски, называл Лилию такими нежными словами, что сэрдэнько замирало, почти останавливалось. Крепко засел хохол.

Лилия вернулась в Москву, обратилась в агентство. Агентство связалось со мной, и таким образом Лилия оказалась в моем доме. Она мне понравилась: молчаливая, не лезла с разговорами, единственно: все время смотрела в свой мобильный телефон. Ждала, когда хохол пришлет эсэмэску: «согласен жениться». Но... эсэмэски шли другого содержания, типа «целую ручки, ножки», «не могу забыть, жду»...

В конце концов Лилия дрогнула и в свой выходной отправилась к хохлу на свидание.

Хохол работал на стройке под Обнинском и там же снимал комнату. Лилия добиралась к нему четыре часа, как до Венеции: на маршрутке, на метро, на электричке. Все это стоило усилий и немалых денег. Наконец она оказалась в его комнате.

Комната – серая от пыли. Постель – берлога. Из еды – только хлеб и вода, как в тюрьме.

Пришлось прибраться и сварить какой-никакой обед. На это ушел остаток дня. Впереди – ночь. На предстоящую ночь Лилия возлагала большие надежды, но это была ночь разочарований.

У хохла ничего не получалось. Лилия терзала его плоть так и этак, но она все равно падала, как увядший стебель.

– Прости, – жалобно попросил хохол. – Наверное, я устал и переволновался.

– Женись, тогда прощу. От мужа много не требуется...

– Ну вот, опять двадцать пять, – расстроился хохол. – Я могу быть только любовником.

– А если ты любовник – должен трахать. Иначе какой же ты любовник?

Лиля в глубине души рассчитывала, что дождет хохла, сломает его сопротивление и они пойдут по жизни плечико к плечу. Но впереди предстояла обратная дорога в мой поселок. И вся жизнь – как эта тягостная дорога, безо всякого проблеска, как повядшая плоть хохла.

Лиля вернулась утром – молчаливая, хмурая. Воркута под тучами.

Я не стала ни о чем спрашивать. И так все понятно.

Смысл дачного проживания – прогулка по живописным окрестностям. Природа красива в любое время года. У осени – своя красота: в багрец и золото одетые леса. У зимы – зимняя сказка: мороз и солнце. Я не понимаю, как можно жить в одном и том же климате. На Гавайях, например. Всегда двадцать пять градусов. Рай. Но все двенадцать месяцев один и тот же рай. Одна и та же картинка перед глазами. Можно свихнуться.

Я ушла гулять в зиму. В минус десять градусов.

Всевышний не пожелал раскрыть свою главную тайну – что там, за горизонтом. А то, чего не знаешь – того нет. Я шла ходко, наслаждаясь движением, – бессмертная, вечная и веселая. Мне нравилась моя жизнь в отсутствии любви и смерти. Полная свобода от всего.

Я вернулась домой в прекрасном расположении духа. Лиля караулила меня в прихожей. Она мелко дрожала, как будто ее включили в розетку.

– Ты замерзла? – спросила я.

– Нет. Мне хорошо.

– А что случилось? – не поняла я.

– Случилось счастье. Я получила предложение руки и сердца.

– От хохла?

– Нет. От Кости.

– Какой Костя?

Лиля махнула рукой. Не могла говорить от перевозбуждения.

Оказывается, это был тот самый Котик, сосед. Его жена Кысочка умерла, царствие ей небесное. Костя стал прикидывать: как ему жить дальше? Главное – с кем? Он перебрал в уме всех знакомых женщин и остановился на Лиле. Она всегда ему нравилась: тихая, умелая, нежная. Противостоит ударам судьбы, как солдат. Побеждает. Выживает. Вот такая ему и нужна.

Можно, конечно, найти красивее и моложе. Но у красивых завышенные требования, при этом неоправданно завышенные. К тому же сейчас поменялась мода на жен. Были модны малолетки, на тридцать лет моложе. А сейчас модны личности – умные, с хорошими манерами, из хороших семей.

Лиля – из хорошей трудовой семьи. Учительница. Внешность неброская, но если взглядишься – милая, милая, милая, светлый мой ангел земной...

– Сказка... – проговорила Лиля.

Ее сказка стала былью. Прошлые мужчины – муж, хохол – канули в вечность, их смыло временем. Над ее жизнью взошел Костик, как ясное солнце, и это солнце – навсегда. Не закатится, не погаснет, не потускнеет. Главное, не сделать ошибки. Но она не сделает. Она в себе уверена.

Лиля стояла посреди прихожей, переполненная счастьем. Не Воркута, нет. Сочи, Рио-де-Жанейро, Лос-Анджелес в разгар лета.

Брат и сестра

Зюма (полное имя Изумруд) появилась в нашем поселке в самом начале девяностых годов.

Впервые я увидела Зюмю на собрании, где ее принимали в члены кооператива.

Собрание роптало. Кооператив принимал в свои ряды только членов Союза писателей. Это было сугубо писательское сообщество, каста избранных, как в Индии, и со стороны никого не допускало, отвергало высокомерно.

Сталин незадолго до смерти дал эти земли писателям, по полгектара на нос. Рядовые граждане имели шесть соток, а полгектара – в восемь раз больше. Сталин таким образом подкармливал идеологию.

«Поэт в России больше, чем поэт», – говорил Евтушенко. И это правда. Хорошая литература заменяла свободу и совесть – все то, чего так не хватало в замкнутом однопартийном государстве.

В нашем поселке поселились лучшие из лучших, просто хорошие писатели и не очень хорошие, однако члены Союза писателей, гордые своей высокой миссией.

Зюмю принимали в начале девяностых. Это уже совсем другое время. Горбачев привел перестройку, и общество заметно расслоилось. Появились богатые, их пренебрежительно называли «богатенькие».

Богатенькие внаглую скупали земли у обедневших писателей и их потомков. Правила приема изменились. Деньги решали все. В кооператив мог попасть кто угодно, даже бандит. Но слава богу, бандиты обошли стороной наши земли.

В центре поселка стоял сгоревший дом популярного поэта и был похож на сломанный зуб. Его называли «дом Павлова», имея в виду Сталинградскую битву. Остальные дома были целы – скромные строения пятидесятых, окруженные деревенскими штaketниками.

Богатенькие презирали любую бедность, и писательскую в том числе. А писатели в свою очередь презирали их несправедливые богатства.

Зюма сидела с непроницаемым лицом, похожая на африканскую львицу.

Немолодая, однако не утратившая женственности и шарма, она царственно оглядывала собрание и была себе на уме.

Правление кооператива объявило: если Зюма хочет быть в наших рядах, она обязана внести вступительный взнос: три тысячи долларов. Тогда это были деньги.

– За что? – спросила Зюма.

– За электричество, газ и водопровод, – объяснил председатель. – Вы будете этим пользоваться. Извольте вложиться.

– А другие платят вступительный взнос? – проверила Зюма.

– Писатели не платят. А вы – человек со стороны.

Собрание загудело одобрительно. Дескать: да, со стороны, и неча с кувшинным рылом в калашный ряд.

Зюма приподняла брови. Она считала так же, но с точностью до наоборот. Это она, Зюма, – в калашном ряду, где калачи и сдобные булки, а этот писательский сброд – именно кувшинные рыла.

– Да... – задумчиво проговорила Зюма. – Мне предлагали участок на Рублевке. Надо было соглашаться...

Зюма за свои деньги могла себе выбрать любое место, а остановилась почему-то на нашей дыре. Соблазнилась близостью с Москвой, громкими именами. А теперь усомнилась: зачем жить в окружении снобов? Чтобы сказать знакомым: «Я живу рядом с Зиновием Гердтом»?..

Знакомые всплеснут руками, воскликнут: «Ах!» – и это все. Какая разница – вокруг кого жить. Главное – как жить самому.

Однако Зюме было именно важно: кто вокруг. Среди кого она вращается. Место определяло сознание. Спрашивала себя: неужели это я, девочка из захолустья, из поселка под названием Белая Калитва, поселилась в столице и моя дача на одной улице с самим Зиновием Гердтом?. При этом у него – халупа, а у меня будет дворец. И сам Эльдар Рязанов, встречаясь на прогулочной тропе, говорит мне: «Здравствуйте». А я еще подумаю: кивнуть в ответ или пройти мимо.

Однажды Зюме рассказали байку: президент Клинтон пригласил на прием футбольную команду. А один черный футболист не пошел. Заявил: я зарабатываю в год больше, чем Клинтон. На фиг он мне нужен...

Деньги – это не только удача. Это еще и объективная оценка человека. Недаром на Западе существует такой вопрос: сколько он стоит?

Зюма стоит дорого. Дороже футболиста и Клинтона, не говоря об Эльдаре Рязанове.

«Кто был ничем, тот станет всем». Слова из Интернационала. После Октябрьской революции кто был ничем, тот ничем и остался. А в девяностых годах – кто был ничем, тот действительно стал всем, как Зюма.

Но начнем с начала.

Зюма родилась в тридцать третьем году. В начале войны ей было восемь лет, а братику Семе три года.

Мама и папа были заняты на партийной работе. Талантливая молодежь из провинции рванула в революцию – активно и самоотверженно, как застоявшиеся кони.

Семика оставляли на Зюму. Она его кормила, гуляла, переодевала, застегивала рубашечку, а он смотрел ей прямо в лицо – рыжий ангелочек, глазки круглые и голубые, носик мягкий, бровки широкенькие. Зюма целовала его прямо в мокрое рыльце и в бровки, а он стоял и терпел ее любовь.

Зюма стала Семику мамой и папой. Она его воспитывала: разрешала, запрещала. Семик подчинялся ее командам, как дрессированный щенок.

Началась война.

Папа ушел на фронт. Мама засобиравалась в эвакуацию.

Зюма помнит столпотворение на вокзале. Толпа перед вагонами шевелилась, как будто дышала. Чемоданы пускали по головам. Любой ценой старались влезть в вагон. И никто не знал, что они лезут в свою смерть.

В дороге состав разбомбили. Маму убило.

Мама лежала на земле: наверное, ее вытащили. Вокруг какое-то поле, и в этом поле – люди, вопящие и сосредоточенные. Каждый по-своему встречает свой ад.

Зюма запомнила рваными картинками. Их куда-то везли на грузовике. Потом их выгрузили возле кирпичного дома.

Две женщины что-то спрашивали и записывали. А дальше Зюма отчетливо помнит, как она прижимала к себе Семика, а его отдирали от нее и волокли в сторону. Зюма истошно орала, а Семик цеплялся за сестру и визжал так, что все галки, сидящие на деревьях, в ужасе взмахнули крыльями и перелетели за железную дорогу.

Дело было в том, что мальчика и девочку хотели разделить по разным группам. Но Зюма и Семик – единое целое, и разлучить их – все равно что разодрать по живому, то есть убить. Дети цеплялись друг за друга и так рыдали, что у воспитательниц не выдержало сердце. Они больше не могли наблюдать детскую трагедию и сдались. Махнули рукой. И оставили в одной

группе. Пусть будут вместе – сестра и братик. Так им легче выжить. Девочка будет заботиться о младшем, и эта забота даст ей силы.

Детский дом: вши, голод, холод, байковые одеяла, которые не греют. У Зюмы набухли нарывы на стопах ног. Она плакала по ночам, но отдавала одеяло Семику. А сама накрывалась своим пальто.

Зюма берегла Семика. И уберегла. С другими детьми все время что-то случалось: ломали руки и ноги и просто умирали от болезней. А Семик ни разу ничего не сломал, единственно – ходил всегда сопливый с прозрачной соплей под носом.

Потом война кончилась, их разыскали родственники – тетя Рая и дядя Гриша. Хотели взять по одному, дядя Гриша – Зюму. Ей было уже тринадцать лет, могла помогать по хозяйству. А тетя Рая соглашалась на Семика. Но Зюма категорически сказала: нет. Или вместе, или мы остаемся в детском доме.

Зюму уговаривали, увещевали, но она была непреклонна. Пришлось уступить. Дети достались тете Рае, а дядя Гриша участвовал материально. Он давал каждый месяц брус сливочного масла.

Тетя Рая была одинокая и хромая, при этом у нее всегда было хорошее настроение. Она передвигалась по комнате, припадая на левую ногу, и пела.

Детей не обижала, но была к ним слегка равнодушна. Ее основная забота – накормить и одеть, дети должны быть сыты и в тепле. А на душевный климат у тети Раи не было времени и внутренних ресурсов. Все ресурсы уходили на поиски счастья.

Время послевоенное. Мужчин мало. Полноценные женщины не могли найти пару, а тут – калека.

Тетя Рая сначала перебирала претендентов, выдвигала какие-то требования – например полный комплект рук и ног. Потом понизила критерий. Подходил любой.

Жили в одной комнате. Тетя Рая ставила ширму. Из-за ширмы доносились звуки любви. Зюма не могла спать. Невольно прислушивалась к шепоту. Тетя Рая каждый раз говорила, что «это» в ее жизни второй раз. Первый – был жених, погибший на войне.

Зюма возненавидела «любовь». Ей казалось, она никогда и ни за что не выйдет замуж. Восемилетний Семик ничего не понимал, дурак дураком, спал по ночам как убитый. Учился плохо. Но – хорошенький, просто ангел. Зюма не могла спокойно смотреть на его личико, в ее душе звучал оркестр: серебряная арфа, трубы, скрипки. Она целовала его в широкие бровки. От него пахло лугом, и лесом, и немножко козликом.

Тетя Рая работала в парикмахерской. Она научила Зюму обращаться с волосами и ножницами.

Тетя Рая любила говорить: нет плохих волос и некрасивого лица, есть руки, растущие из жопы. Букву «о» она произносила мягко.

Зюме нравилось парикмахерское дело. Это практически творчество. В моду входили прически «венчик мира». Эту моду принес фильм «Римские каникулы». Потом пришла «Бабетта» с легкой руки Брижит Бардо. «Бабетту» сменила «колдунья», которую занесла в Россию Марина Влади: челка и прямые волосы до лопаток. А дальше – царица причесок каре.

Каре Зюма стригла, заканчивая педагогический институт, заочное отделение. Она продолжала стричь на дому, у нее была своя клиентура. В те годы такое предпринимательство – риск, могли стукнуть соседи. Риск, но и деньги. У Зюмы всегда были деньги, Семик всегда был модно одет. Когда вошли в моду джинсы, у Семика сразу появились джинсы «левис», а тете Рае купили плащ «болонья».

Тетя Рая замуж не вышла. Не взяли. Поток ее претендентов иссяк. Зато у Зюмы стали появляться поклонники. В основном это были иногородние студенты – бедные, плохо одетые и вонючие. Никуда не годились.

У бедности – свой запах. Это запах сырого подвала и грязных носков. Зюма терпела их, зажав нос. Но в последний год обучения она перешла с заочного отделения на очный, и поклонники стали более качественные. Один из них – Ванечка, студент Военно-медицинской академии. У него была нарядная форма, золотистые ореховые глаза и явный интеллект. Он говорил: в пустой жизни и драка – событие, на пустом лице и царапина – украшение. Зюма обмирала от его ума, красоты и значительности.

Ванечка приглашал Зюму в филармонию на концерт Софроницкого. Скучища. Но рядом Ванечка, и все можно перетерпеть, даже концерт для фортепьяно с оркестром.

Отношения развивались. Грянул первый поцелуй, как летний гром. Сердце стучит у горла, сейчас выскочит. И тут в комнату входит тетя Рая. Вернулась с работы.

Зюма и Ванечка отпрянули друг от друга, лица перевернуты.

Тетя Рая посмотрела на них и спросила:

– Что это с вами?

Они молчат. Что тут скажешь? Первый поцелуй – вот что с ними.

Через неделю был второй поцелуй. А третьего не было. Ванечка допустил роковую ошибку.

Он и Зюма начали целоваться, сидя на диване, и в этот момент с улицы приперся Семик.

– А что это вы тут делаете? – нагло поинтересовался Семик.

– Иди вон и закрой за собой дверь, – грубо предложил Ванечка.

Ангел Семик вытаращил на Ванечку свои ясные очи. С ним так не разговаривали. Он удивился и перевел глаза с Ванечки на Зюму, ища поддержки. Зюма отстранилась от любимого и проговорила четко:

– Сам иди вон и закрой за собой дверь.

Ванечка удивился в свою очередь и тоже вытаращил на Зюму золотистые глаза. С ним тоже так не разговаривали. Он не поверил своим ушам. Его офицерская честь и мужское самолюбие перечеркнули остальные чувства и желания.

– Ты действительно хочешь, чтобы я ушел? – перепроверил Ванечка.

Встал выбор между братом и ухажером, между любовью и любовью. Семик – родная кровь, маленький, не самостоятельный, от нее зависящий. А Ванечка – взрослый парень с торчащим пенисом, без Зюмы не пропадет. Он ее легко заменит. Была одна, стала другая. В сумме ничего не меняется. И Зюма его тоже заменит со временем. А брат – незаменим.

– Вон, – повторила Зюма.

Ванечка ушел. Зюма заплакала. Семик возрадовался. Он победил.

Заменить Ванечку оказалось нелегко, все остальные кавалеры не шли ни в какое сравнение. Но Зюма ни о чем не сожалела. Она не могла связать себя с человеком, который не любит ее ребенка. А Семик был именно ребенок, сыночек, родная кровь.

Следующие женихи не набирали проходного балла. Один не нравился Зюме, другой не нравился Семику – тухляк. У третьего уши слишком низко, от четвертого воняет горохом. Пятый – жадный, приходит с пустыми руками, ни цветочка, ни конфетки.

Семику не нравился ни один. Он ревновал сестру. Зюма была его личная собственность, и никто не имел права черпать ее расположение. Иначе ему, Семику, достанется меньше или не достанется ничего. Он придирался, капризничая. Пока не вырос.

Семику исполнилось восемнадцать лет.

Надо было поставить Семика на ноги: дать правильное образование, найти правильную невесту.

Семик не знал, чем он хочет заниматься. Зюма засунула его в Педагогический на факультет иностранных языков. Там у нее были связи.

Семик расплывчато представлял себе свое будущее, но становиться учителем он точно не хотел.

Языки давались ему легко. Он скоро стал читать английские романы в подлиннике. Впоследствии переводил кассеты с американскими фильмами для видеков (видеомагнитофонов).

Сема был постоянно озабочен поисками денег. Зюма давала ему необходимые карманные деньги, но это было ничтожно мало.

Сема стал заниматься фарцовкой. Фарцевал всем: джинсами, носками, но в основном – книгами. Сема зарабатывал виртуозно и мастерски. У него открылся талант: находить деньги под ногами – там, где их не видел никто. Знание языков помогало. Он легко договаривался с иностранными туристами. Вызывал доверие. Держал слово.

Зюма сходила с ума. Боялась, что Сему посадят. Сема и сам опасался, но деньги сильнее страха. Они были нужны на рестораны, на девушек.

В Педагогическом девушек – пруд пруди, но красивых мало. Красивые в учительницы не идут, они идут в артистки. За ними надо дорого ухаживать.

У Семы появилась артистка – юбка колоколом, широкий пояс, тонкая талия. Зюму привело это в ужас. Перед такой не устоять. Сема мог жениться, и это – полный крах. Жена-артистка – это чужая жена. Она будет спать с режиссерами, и не только. Все шмели и пчелы будут слетаться на этот яркий цветок. Зачем нужна красивая, но общая? Пусть плохонькое, да мое. Твердая стена за спиной. Уверенность в завтрашнем дне.

Семья – святое. Алтарь. Он должен быть чист.

Зюма нашла некрасивую Таню. Таня училась в аспирантуре, с ней было о чем поговорить. К тому же у Тани – отдельная квартира, что редкость по тем временам. А у артистки – койка в общежитии. А в перспективе – проживание в одной комнате с Зюмой и тетей Раей – она была жива и совершенно здорова.

Сема познакомился с Таней, и это окончилось нежелательной беременностью, что несложно. Под давлением Зюмы Семик женился на Тане, но продолжал встречаться с артисткой. (Ее звали Маргоша.) Все кончилось тем, что Таня его выгнала, а Маргоша не взяла.

Сема легко вздохнул и вернулся к тете Рае, под крыло Зюмы. И успокоился. Ему было с ними хорошо. Ни с кем ему не было так хорошо и спокойно, как с сестрой Зюмой. Вокруг нее распространялся особый климат – нежный, свежий и теплый, как на Гавайях. Он никогда не жил на Гавайях, но ему казалось, что там – рай. В раю он тоже не был, но был уверен, что рай – это Зюма.

В детстве он любил сидеть у нее под мышкой – рядом-рядом, близко-близко, вдыхать родной дух и греться, как возле печки.

И сейчас Сема тоже любил находиться рядом с сестрой – не под мышкой, конечно, но в одной комнате, чтобы видеть ее, вместе есть, смотреть телевизор, обсуждать события дня и планы на будущее.

Зюма не вышла замуж, не родила детей. И как оказалось, можно жить и без семьи. У нее был Семик. Он и стал ее семьей. Главное, чтобы было о ком заботиться, чтобы было КОГО кормить и ЧЕМ кормить. И с кем разговаривать.

История знает много таких семей: брат и сестра. Например: Чехов и Мария Павловна. Маша, сестра. Они прекрасно жили, пока не появилась Ольга Книппер. Книппер разрушила дуэт Антона и Маши, но Антон Павлович быстро умер, оставив сестре почти все, чем владел.

Сема жениться не хотел вообще.

Сын от Тани (Илья) у него был. Продолжение рода. И этого достаточно.

Главная страсть Семы – книги. И деньги. Он любил зарабатывать и постоянно искал пути к деньгам. Переводил иностранные фильмы неузнаваемым голосом.

Выискивал и продавал запрещенные рукописи Солженицына.

Специальные службы отслеживали всякое инакомыслие, а Солженицын – это как раз инакомыслие. Однако видеоманитофон почти в каждом доме, и Солженицына прочитала вся интеллигенция. Солженицын раскачал первую волну эмиграции, все зашевелилось и задвигалось. Страна буксовала в застое, как тяжелый грузовик в глубокой луже. Однако все кончается когда-нибудь.

Закатился Брежнев, и взошел Горбачев с кляксой на лбу. Привел с собой перестройку и ускорение.

Семика перестройка застала на сорок восьмом году жизни – расцвет мужских сил и способностей.

Зюме – пятьдесят три года. Она мало изменилась. Некоторые находили – стала лучше, как настоящее вино. Длинные глаза и высокие скулы делали ее похожей на львицу или тигрицу – в общем, из семейства кошачьих.

А тетя Рая по-прежнему жива и здорова. Единственное – болит спина, поскольку одна нога короче другой, позвоночник перекошен. Если бы не спина – помчалась куда угодно. Энергии хоть отбавляй.

Жили уже не вместе, на разных территориях. Зюма с Семой построили себе трехкомнатную кооперативную квартиру в тихом центре. Зюма стригла на дому. Собиралась открыть свою парикмахерскую. Сема занялся перевозкой автомобилей из города Тольятти. Он придумал специальные платформы, на которые ставили и крепили автомобили.

Подобные платформы уже давно существовали на Западе, но на наших железных дорогах – другой размер рельс. Значит, и платформы должны быть шире, и, значит, нужен перерасчет.

Семика нашел нужных людей, усовершенствовал конструкцию и сделал ноги этому начинанию. Автомобили поплыли нескончаемой лентой, и деньги потекли рекой.

Кое-кто спохватился: как это так – деньги текут рекой в чужой карман... У Семы хотели отобрать бизнес, но не тут-то было. Сема устоял. Правда, заплатил инфарктом. Сердце надорвалось. Сема мог бы сдать все, отдать, но для Семы деньги не менее важны, чем собственное сердце.

Деньги – это победа, это свобода, это запах богатства, это самооценка. А сердце можно вылечить, в конце концов. Говорят, здоровье не купишь. За хорошие деньги купишь и здоровье.

Сема разбогател. Сколько у него денег – никто не знал, кроме Зюмы, разумеется. Зюма все знала, отслеживала и правильно распоряжалась деньгами.

Основное вложение – в недвижимость.

Сема любил дорогие машины. Но машины – это как раз движимость, легко угоняются, их можно разбить, и даже вместе с собой, и потерять все разом: и деньги, и здоровье, и даже жизнь.

Недвижимость – это дома, то, что крепко стоит на месте, глубоко врыто в землю. Фундамент – полтора метра, если не глубже. В доме можно жить, его можно сдать за деньги. Если хороший дом, то за хорошие деньги. А если несколько домов в разных странах, на море и в горах, – можно жить до старости и ни о чем не беспокоиться. И дети с внуками – тот же Илья и его потомство – тоже жить и ни о чем не беспокоиться.

Зюма стала покупать дома. В Черногории – вот где красота, как в сказке. В Подмосковье – тоже красота, но другая. На Лазурном Берегу, но не дом, а квартиру. Удобно. Уехала и закрыла дверь на ключ. Ключ отдала консьержке. Никто не обворует.

Зюма стала богатой женщиной – по факту, но не по ментальности.

Она продолжала экономить, не позволяла себе роскоши, например – шубу из рыси. Ей было жалко молодую красивую рысь, которую убивают из-за шкуры. И зачем тратить большие деньги на шмотки? Мода меняется. Вещи надоедают. Тратить деньги на одежду – значит выкидывать в форточку.

Единственное – позволяла себе летать бизнес-классом. Совсем другое впечатление: время проходит незаметно, тебя обслуживают, как в ресторане, дают плед, показывают кино. Зюма сидела в удобном кресле и думала: неужели это я – та голодная девочка с нарывами на стопах, дрожащая под байковым одеялом? Неужели та и эта – одно?

Единственное, что тревожило, – семейное неустройство Семы. О своем неустройстве она не думала. Зюме уже не хотелось замуж. Не хотелось никого обслуживать и никому подчиняться. Вот если бы любовь... если бы ее опалило чувство... Но время шло. Стоящие мужики ищут двадцатилетних, а нестоящие не нужны и даром.

Попался один. Владик. Пенис тяжелый, как маленькая гантеля, и он умел с ним обращаться. Специалист. Но все время норовил поест за ее счет. Не жалко, но противу правил. Настоящий мужик ведет себя иначе.

Зюма заворачивала ему бутерброды с копченой колбасой. Он злился. Рассчитывал на полноценный обед.

Кончилось тем, что Владик бросил Зюму, как прогоревшее предприятие. Зюма огорчилась какое-то время, потом смирилась. Не замуж же за него выходить.

Зюма и Семик жили вместе и врозь.

Зюма предпочитала загородный дом, который она возвела в нашем поселке. (На деньги Семика, разумеется.) А Семик жил в их московской квартире, в тихом центре, поскольку квартира находилась рядом с его работой.

У Семы был свой офис и свой штат.

В офисе – столовая. Сначала брали еду из ресторана, а потом наняли повариху, нашли через агентство молодую хохлушку Оксану. Она была чистоплотная и рукастая, с легким характером. Готовила вкусно, но вредно. Все на сале. Борщ со старым салом, отбивная – на сале. Сплошной холестерин, который забивает кровеносные сосуды.

Зюма уговорила Оксану готовить на растительном масле, а еще лучше совсем без масла, на пару. Оксана воспринимала рекомендации Зюмы как бред сивой кобылы. Что за борщ без сала и без пампушек с чесноком? Это не борщ, а моча. И что за отбивная на пару? А корочка? А запах?

Зюма жаловалась Семе. Оксана испуганно моргала. Все кончилось тем, что Сема убрал Оксану из столовой и перевел к себе в дом. Положил хорошую зарплату с питанием и проживанием.

Оксана складывала деньги в коробку из-под обуви и задвигала под кровать. И раз в три месяца отправляла в свою Ростовскую область, поселок Шолохово, – там у нее жили родители и шестилетняя дочка Маечка.

Родители были счастливы свалившимся достатком. Оксана дорожила местом и старалась изо всех сил.

Утро начиналось с того, что Оксана делала влажную уборку с лимонным «Ванишем». В доме становилось свежо, ветер шевелил на окнах чистые занавески.

Зюма озаботилась новой идеей: надо Семика женить, пока она жива. Не дай бог помрет, с кем останется Семик, любимый до мурашек? Несмотря на то что он вырос, и даже разбогател, и даже слегка постарел, все равно в нем светился ребенок – тот, дальний, с голубыми глазками и широкими бровками. Маленький Семик был как будто спрятан в большом, как матрешка в матрешке. И Зюма, глядя на брата, видела их всех одновременно: ребенка, отрока, юношу, мужчину и начинающего старика. И когда целовала Семика в лысеющую голову, она целовала их всех одновременно.

Зюма начала подгонять Семику невест. Они являлись: молодые и средние, красивые и так себе. Зюме больше всего нравилась Люся – скромная и состоятельная. Не будет зариться

на чужие деньги, у нее есть свои. Замужем не была ни разу. Засиделась в девках, писала диссертацию. Образованная, культурная, со знанием языков.

Семик ходил с Люсей в театр и на выставки. Домой не приглашал. Зюму беспокоило то, что Семик ни разу не предложил Люсе остаться переночевать, хотя Люся была не прочь и ждала этого же самого. Сема тянул.

Зюма прямо спросила: почему? Откуда такая целомудренность? Семик уклонился от ответа, но ларчик просто открывался. Семик спал по ночам с Оксаной, и ему это очень нравилось. У Оксаны было круглое личико, круглая попка и глаза как вишни. И ничего другого Семик не хотел. Ему не нужна была ни диссертация, ни иностранные языки. Он уставал, как загнанный конь, и единственное, чего он хотел, – это покой, борщ со старым салом и молодая нежная Оксана. Все.

Известно, что Сталин имел в любовницах солисток Большого театра, но находил отдохновение со своей домработницей Валечкой. Она его в свою очередь тоже очень любила и горько оплакивала его смерть.

Сема стеснялся Люсю, боялся сказать глупость, боялся, что не встанет. Он уставал от своих опасений. А с Оксаной он ничего не боялся, ему было спокойно, как под мышкой у Зюмы. Плюс мужские радости. И больше ничего не надо.

Однажды Зюма достала три билета на модный спектакль: Люсе, Семику и себе.

Люся пойти не смогла – важное совещание. Семик пришел с Оксаной. На Оксане была турецкая кофточка с люрексом. Не модно, конечно. Но ничего. Потолок не упал, пол не провалился. Сели и посмотрели спектакль.

Зюма была в чем-то темненьком, в обlipочку. Главное – не выделяться. Она и не выделялась, терялась в толпе. Хороший вкус – это не бросаться в глаза. А Оксана сверкала турецким люрексом и висячими клипсами, которые качались у плеча.

По тому, как Сема и Оксана переговаривались между собой, была видна близость и взаимопонимание.

Зюма обо всем догадалась, но не возражала. Если Семику ЭТО надо, пусть будет. Оксана – обслуживающий персонал, пусть обслуживает комплексно: гастрономически и сексуально. До тех пор пока Сема не женится на ровне. Не к проституткам же ему идти. Здесь все дома, все под рукой.

Но время шло. Сема не хотел жениться на ровне. Он купил Оксане одежду, для чего пришлось съездить в Италию. Они вернулись веселые и загорелые. На Оксане была шуба из рыси с капюшоном. Из той самой рыси. Шуба короткая, попка наружу, но Сема сказал, что короткая шуба удобна в машине.

– В какой машине? – не поняла Зюма.

Оказывается, у Оксаны уже была машина и шофер, поскольку она не водила.

– У нее гуманитарные мозги, – объяснил Сема.

– У нее вообще никаких мозгов, – уточнила Зюма. – Тупня.

Оксана разговаривала с украинским акцентом, путала падежи и не любила инородцев. Семе это не мешало, а Зюма приходила в отчаяние. Жена – вывеска мужа. А такая примитивная вывеска, как Оксана, делала Сему проще, практически обесценивала. И Зюму тоже обесценивала, поскольку Зюма входила в один комплект с Семиком.

– А если она родит? – испугалась Зюма.

– Пусть рождает, – спокойно отреагировал Семик.

– Но у нее уже есть ребенок там... в деревне.

– Будет два.

– И эти жлобские дети – наследники? – ужасалась Зюма.

– Ты же не собираешься жить вечно? – спросил Сема.

Зюма вытаращила на брата, не понимая вопроса.

– Мы когда-нибудь умрем, дома останутся. Мы же не заберем их на тот свет.

Боже мой... Значит, вся ее жизнь, заключенная в Семика, все их общие усилия, которые материализовались в большие деньги, а деньги – в дома, все это пойдет псу под хвост. Какой-то Оксане, чужой и чуждой, которая даже не может сказать «Европа». У нее это звучит – «Явропа».

– Я надеюсь, ты не женишься? – спросила Зюма, каменея от такой перспективы.

– Не женюсь.

– Поклянись.

– Чем?

– Моим здоровьем.

– Клянусь твоим здоровьем, – легко пообещал Сема.

Семик оказался клятвопреступником.

Оксана забеременела, что естественно. Она была молодая женщина в детородном периоде. Двадцать семь – хороший возраст для второго ребенка. Ее живот был острым, что свидетельствовало о мальчике.

Зюма увидела это остроконечное пузо, и все стало ясно. Оксана явилась в столицу на ловлю счастья и чинов. Ее мечта сбылась. Богатый Семик попался, как муха в паутину. Паучиха – молодая и сильная. Ее невозможно победить, можно только убить. Нанять киллера и потом сесть в тюрьму, чтобы остаток жизни провести в тюремном бараке, когда в красивейших местах света стоят ее красивейшие дома...

Но что же делать? Зюма задумалась и придумала. Надо отобрать дома и деньги. Оставить только Сему, с его мелкой лысеющей головкой, покрытой ржавой растительностью. Пусть Оксана наслаждается чистой любовью, без примеси денег.

Зюма наняла дорожущего адвоката, шестьсот долларов в час. Явился адвокат с губами как у верблюда и все устроил как надо. Сема подписывал бумаги не читая, поскольку бумаги от Зюмы. И в результате – вся недвижимость и все счета в банках оказались оформлены на Зюму. А ничего не подозревающий Сема проснулся однажды утром совершенно нищий и бездомный.

Какое-то время Сема об этом не знал, но в один прекрасный день узнал. Шила в мешке не утаишь.

Сема вначале не поверил. Он обворован. Заказное банкротство. Так мог поступить только злейший враг. Но Зюма... Изумруд, сестра – главное богатство его жизни. Она любила Сему, но ведь и он любил ее безмерно: ее лицо, запах, ее энергию, преданность и верность, упрямство и амбиции, доброту и жадность, ум и глупость. Зюма – это все и все: мама, и сестра, и дочка.

Как же это случилось? Как она пошла на такое? За это убивают.

Сема подошел к телефону и позвонил сестре. Произнес одно слово:

– Как?

– Это ответ на твоё предательство, – четко ответила Зюма.

– Не понял...

– Ты впустил в дом эту ложкомойку. Моя жизнь оказалась поругана. Мы несовместимы.

– Странно, – сказал Сема. – Она жена, ты сестра. У вас разные функции.

– Вспомни! – закричала Зюма. – Я не вышла из-за тебя замуж.

– Теперь ты хочешь, чтобы я заплатил за твои жертвы своей жизнью?

– Не хочешь жизнью – плати деньгами.

– Ты уже сделала это за меня, – сказал Сема.

– И правильно сделала. Пусть она любит тебя нищего. А я посмотрю.

– Хорошо, – согласился Сема. – Будем считать, что мы в расчете. Я тебе больше ничего не должен. И ты мне не должна: у меня больше нет сестры. Не звони и не появляйся. Чтобы я тебя не видел и не слышал.

– А у меня нет брата, – подытожила Зюма.

И бросила трубку.

Теперь у нее не было Семы, но были огромные деньги.

Зюма вышла замуж. Ее мужа звали Гарик.

Гарик – человек не бедный. У него был свой крепкий фармацевтический бизнес. Сеть аптек. Так что он женился не из-за денег, а именно по любви. Поговаривали, что они с Зюмой были знакомы с молодых лет, но Гарик имел семью, а Зюма при Семе.

Теперь Гарик развелся и Зюма разошлась с Семой на разные берега. Зюма была еще вполне красива, как говорят англичане: пригодна для любви.

Покатилась собственная жизнь.

Главное правило Зюмы: никаких жертв. Она больше не жертвовала собой, жила только своими интересами. Путешествовала, следила за здоровьем и красотой. Переезжала из дома в дом. Лето – на море. Зима – в горах. Осень – в Подмоскowie, в нашем поселке. Ей нравилась золотая осень средней полосы, и тянул родной язык. Она любила русский язык. Все остальные славянские языки казались ей исковерканным русским. Французский и немецкий она освоила на бытовом уровне: как пройти? Сколько стоит? Прекрасно! Ужасно! Да-да, нет-нет... Английский язык – темный лес. И только в русском языке Зюма купалась, как в теплом бархатном море, не хочется вылезать. Могла плыть до бесконечности.

Ей необходима была Россия и русские.

Зюма и Гарик жили в доме, построенном на Семины деньги.

К Гарикю приезжали его дети от первого брака. Два мальчика. Зюма пыталась их полюбить, но ничего не вышло. Она могла любить только своих.

Дети Гарика приезжали к отцу в гости и тут же садились обедать и сметали весь холодильник. Зюма не нуждалась, ей было не жалко еды, но она поражалась: сколько можно жрать и пить? Как с голодного края.

По вечерам Зюма выходила гулять с собакой. Я тоже выходила со своей собакой, и наши собаки – ее породистый кобель и моя беспородная сучка – с восторгом устремлялись навстречу друг с другом.

Нам с Зюмой ничего не оставалось, как здороваться и идти рядом.

Соседство ее породистого пса и моей дворняжки наводило на мрачные мысли о мезальянсе Семика с Оксаной.

Надо было о чем-то говорить. Не молчать же.

Я спросила:

– Как ваш брат?

– Не знаю, – хмуро ответила Зюма.

Мы подошли к ее дому.

– Хотите зайти? – спросила Зюма. – Давайте зайдем, только у меня к вам одна просьба: оставьте зависть за дверью.

– Чью зависть? – не поняла я.

– Вашу. Не завидуйте.

– Хорошо, – согласилась я. – Не буду.

Вообще, я на зависть вялая. У меня этот участок в мозгу не развит. Может быть, поэтому у меня хороший цвет лица.

Мы вошли в дом Зюмы. Меня поразил ее кабинет. Карельская береза с бронзой. Красота буквально бросалась в глаза, как живая. Ошеломляла и завораживала.

– Это Луи Каторз, – сказала Зюма. – Их всего четыре экземпляра. Один в Америке у Рудольфа Нуриева, другой у жены Лужкова, третий у меня.

– А четвертый?

– Не знаю. Где-то есть. Его цена – два миллиона евро. Я думаю: может, продать?

– А зачем?

– Деньги.

– А сами вы не хотите жить в красоте?

– После меня все перейдет детям Гарика. А я не хочу. Мне это противно. Я искала, доставала, а они придут и рассядутся в грязных штанах.

– Зачем думать о том, что будет? Надо жить сегодняшним днем, – предложила я.

– Как бабочка-однодневка, – прокомментировала Зюма.

Я подумала: пусть живет как хочет. Не мне же ее учить.

Мы побродили по дому. Мне понравились цветы в кадках. Много зелени. Красиво.

Зюма предложила чай, но Найда вышла во дворе. Я не захотела испытывать ее терпение.

– Значит, мы договорились? – спросила Зюма.

– О чем? – забыла я.

– Вы оставите свою зависть за дверью. Знаете, это очень вредно, когда человек завидует.

– Кому вредно?

– Обоим. Зависть разрушает того кто и того кому.

– Понятно. Я не буду завидовать.

– Дайте честное слово.

– Честное слово, я не буду завидовать, потому что нечему.

– До свидания, – попрощалась Зюма.

– До встречи, – попрощалась я. – Всего хорошего.

Я шла домой и тихо злилась. Зюме мало превосходить материально. Ей надо еще и унижить. Унизить другого, чтобы на его фоне возвыситься самой.

Зюма пропала куда-то. Говорили, что она переехала в Америку. Может быть, увезла Гарика подальше от его прозорливых детей. Хотела владеть им одна.

Летом в Лос-Анджелесе жарко. Зюма засобиралась в Россию, но решила подготовиться. Легла в клинику, вырезала вены на ногах и убрала косточки на стопах. Потребовалось две операции, но красота требует жертв.

Среди лета Зюма появилась в поселке и вышла на прогулку. На ней были шорты и туфли на каблуках. Ноги – длинные, стройные, абсолютно молодые.

Я не стала завидовать, поскольку это вредно, решила сделать комплимент. Почему бы и нет? Тем более что я в прошлый раз была невежлива.

– У вас ноги как у породистой кобылы, – похвалила я.

Зюма посмотрела на меня и созналась:

– Я два месяца в больнице лежала, косточки разбивала.

– Зачем? – не поняла я.

– Чтобы туфли можно было надеть.

Оказывается, стройные ноги – плод мучений и терпения, не говоря о деньгах.

Я бы на такое не пошла. Соглашаться на боль и наркозы – только для того, чтобы кто-то сказал комплимент, и прошел мимо, и тут же забыл. О! Эта зависимость от чужого мнения. Называемая тщеславием. Тщетная слава.

Зюма была рада моему появлению. Во-первых, есть перед кем похвастать, во-вторых, скучно гулять одной. Ей была нужна аудитория.

И я обрадовалась Зюме. Была в ней яркость, энергия, ни на кого непохожесть.

Мы пошли рядом.

Зюма стала рассказывать о своей жизни в Америке. Пожилые люди там не скучают, записываются в клубы. Лично она ходит на танцы. Ее партнер – мексиканец.

– А как ваш брат? – вспомнила я.

Зюма долго молчала, потом сказала:

– Я забрала у него рыбу, но оставила удочку. Он наловил новые миллионы.

– Какую удочку? – не поняла я.

– Мозги. У него же золотые мозги. Он все восстановил.

– Так хорошо. И у вас все хорошо. Вам надо помириться.

Зюма промолчала, продолжала идти, глядя в землю. Вдруг остановилась и зарыдала, так отчаянно и глубоко, что я оторопела.

Прохожие останавливались в нерешительности, не зная: то ли подойти, то ли не заметить. Зюма рыдала душераздирающе, как когда-то возле детского дома.

Называется, приехала в родные пенаты. Стоило так готовиться, пройти через две операции, чтобы в результате рыдать посреди дороги.

– Все не так плохо, Зюма... – растерянно бормотала я. – Надо только помириться. И все. А иначе – какого смысла?

От волнения я путала падежи.

Зюма продолжала рыдать с открытым дрожащим лицом. У нее было все: деньги, муж и даже Америка. Но не было главного – брата. И не было дороги назад. Слишком далеко разошлись их льдины в океане. Не перескочишь.

Зюма стояла одна на своей льдине, и ее несло все дальше в черный океан. А льдина – всего лишь льдина. Она трескается и тает.

Прошли годы.

Я уже гуляла по поселку со своей внучкой.

Поселок изменился. Вместо скромных финских домиков выросли особняки размером с маленький отель. Вместо деревянных штакетников – кирпичные заборы, как китайская стена. Вместо калиток – кованые ворота, буквально Летний сад.

Писателей почти не осталось. Сменилось поколение. Нынче поэт в России – только поэт, только профессия – такая же как продавец в гастрономе. С той разницей, что продавец больше зарабатывает. И вообще, я заметила: поэты выродились. Все больше менеджеры.

Зюма умерла, не дожив до семидесяти. Говорили, что у нее был рак. И Америка не помогла. Смерть найдет где угодно, даже в Америке.

Дом в нашем поселке перешел Гарику. Гарик здесь не появляется, на выходные приезжают его выросшие дети, привозят толпы гостей и устраивают лихие попойки. Музыка гремит до неба, гости толкуются на диване и креслах Луи Каторз в грязных штанах. Но Зюме это уже все равно.

О Семе ни слуху ни духу. Известно, что его жена Оксана перевезла в Москву свою родню: дочку Маечку, брата Виталика и родителей – папу и маму. Семья разрослась. Было трое, стало семь человек. Семина теща не любит инородцев, хотя отдает им должное. Она говорит: «Явреи, они умные».

Мы с внучкой останавливаемся и смотрим на красивое круглое окно.

– Чей это дом? – спрашивает внучка.

– Одной тети. Она умерла.

– А где она сейчас? Нигде?

– Не знаю. Может, где-то и есть.

Может, где-то по Млечному Пути бродит Зюма, поджидает Сему – одного, без Оксаны. И тогда она опять, как прежде, засунет его себе под мышку и никому не отдаст. Они объединят свои две души в одну и умчатся в бесконечность, где их никто не достанет.

Время, как цунами, смыло Зюму, унесло вместе с ее страстями, любовью и ненавистью. А может, и не цунами вовсе – маленькая ласковая волна слизала ее следы на золотом песке. Были – и нет.

И все-таки это не так. Была и осталась ее всепоглощающая любовь к брату. Эта любовь сохранилась в атмосфере. Я ее чувствую. Я ею дышу.

Короткие гудки

В афишах его имя писали метровыми буквами: ПАВЕЛ КОЧУБЕЙ. А ее имя внизу – самым мелким шрифтом, буковки как муравьиные следы: партия фортепиано – Ирина Панкратова.

Несправедливо. Она окончила музыкальную школу и консерваторию, училась пятнадцать лет, сидела за роялем по четыре часа в день. У всех – детство, отрочество, юность, а у нее гаммы, этюды, сольфеджио.

Мама Ирины не ходила на концерты. Ее ущемляла второстепенная роль дочери. В консерватории Ирина считалась самой яркой пианисткой на курсе. Педагог Россоловский готовил ее к концертной деятельности. А в результате Ирина – аккомпаниатор. Обслуживающий персонал. Обслуживает голос певца.

Мама конечно же была неправа. Аккомпаниатор – серьезная творческая работа. Тем более такой аккомпаниатор, как Ирина Панкратова.

Ирина чувствовала певца на уровне тонких материй. Подготавливала каждый его вдох, растворялась, становилась неслышимой когда надо. Во время проигрышей набирала силу, но только для того, чтобы вовремя отступить, дать дорогу певцу. Он – ВСЕ. Она – на подхвате. Главное – результат. А результат всякий раз был высочайший.

За кулисами выстраивались очереди. Певцу несли букеты. Ирине – никогда, но она не обижалась. Была равнодушна к цветам. Все равно на другой день завянут. Долго стоят только сиреневые репья, но репья никто не дарит. А зря.

В зале неизменно присутствовала семья Кочубея. Мама Софья Петровна, жена Ксения и сын Вова. Мама выглядела моложе жены, всегда свежепричесанная, модно одетая. Жена выглядеть не старалась. Чем хуже, тем лучше.

Ее позиция была крепка. Первое – сын Вова. Второе – болезнь Павла, невидимые миру слезы.

Павел – алкоголик. Вот он стоит на сцене, красавец испанского типа, голос нечеловеческой красоты, хочется плакать от восторга. И плачут. Дуры. Павел распускает хвост как павлин, наслаждается властью таланта. Однако все кончится запоем. Поставит возле себя ящик водки и будет пить три дня. Пить и спать, проваливаться в отключку. Потом снова выныривать из небытия, пить и спать. А по полу будут плавать алкогольные пары, запах разбитых надежд. Кто это будет терпеть? Только Ксения, жена без амбиций, на десять лет старше.

Алкоголиком не становятся, алкоголиком рождаются. Мама Софья Петровна это знала. Порченный ген достался в наследство от деда. Чего боялись, то случилось. Удружил дед.

Софья Петровна умела смотреть вперед. Ее любимому и единственному Павлу нужна была в жены не звезда, не секс-бомба. Ему была нужна запасная мама. И она высмотрела подходящую: Ксения. Ксения – старше. Это хорошо. Не сбежит. Ксения родила сына – это тоже хорошо. Не просто хорошо, определяюще. Смысл жизни.

Павел сначала бунтовал. Ему хотелось не запасную маму – зрелую и тяжелую, а именно звезду или в крайнем случае тихую интеллигентную девочку в очках, со скрипкой у щеки. Ему хотелось восхищаться и заботиться, но получалось, что все заботились о нем, и в нем постепенно отмирал мужчина и укреплялся сын – сыновнее, потребительское начало.

Павел страдал и напивался, а когда напивался – все становилось все равно. Какая разница: сыновнее, отцовское, главное – дотащиться до туалета.

Ирина Панкратова ничего не знала про алкоголизм и алкоголиков.

Она росла с мамой и сестрой исключительно в женском обществе. Отец отсутствовал по неизвестным причинам. Вокруг них не было пьющих знакомых. Такая эпидемия, как пьянство, прошла мимо Ирины.

Для нее Павел Кочубей был коллега, работодатель и кумир. Она обожала его за ум и талант. Серьезное сочетание.

Казалось бы, какая разница, кто поет: умный или дурак. Музыка написана, слова тоже. Пой себе, и все. А разница. Дурак заливается соловьем, а о чем поет – не вникает, думает о постороннем, например: чего не хватает в холодильнике. И публика тоже думает о постороннем. Жидко хлопает или не хлопает вовсе.

Павел Кочубей осмысляет каждую музыкальную фразу, он погружен в настроение. Он весь – ТАМ. За горизонтом. Его здесь нет. И зала здесь нет. Когда тает последний звук, публика постепенно возвращается в реальность и жарко благодарит аплодисментами за свое отсутствие, за свои горизонты. За тем и ходят на концерты. За собой.

Такие исполнители, как Павел Кочубей, – редкая редкость. За это можно все простить, и запои в том числе. Запой длится три дня в месяц. Но все остальные двадцать семь дней он – гений. И красавец.

Павел красив не агрессивной грубой красотой красавца. Такую внешность, как у Павла, дает только ум, застенчивость и хорошее воспитание.

Ирина смотрит на него не отрываясь. Инопланетянин. Как бы она хотела уткнуться своим лицом в его шею, вдохнуть чистый черешневый запах. Вот где счастье...

Ирина молчала о своей любви. Павел был несвободен, и сознаться в любви – значило ступить на чужую территорию. А это – война. Ирина не могла ступить, но и не любить она тоже не могла.

Так и жила, страдая и аккомпанируя.

Павел не замечал других женщин, которые лезли к нему изо всех щелей, как тараканы. Их можно понять. Когда он пел, в него невозможно было не влюбиться. Ксении и самой когда-то снесло голову. Приличная молодая женщина, кандидат наук, она превратилась в сыриху. От слова «сыр». Это название пошло от поклонниц Лемешева, которые прятались от холода в магазине «Сыры», напротив дома Лемешева.

Сырихи есть у каждой знаменитости. У Павла Кочубея они тоже были, и он охотно пользовался ими при случае. Зачем отказываться, когда сама идет в руки. Правда, не сосредоточивался на случившемся. Забывал на другой день, а иногда и раньше. Но Ксения все-таки боялась, а вдруг влюбится... Выручали запои. Когда Павел пил – ничего не помнил. После запоев ужасно себя чувствовал. Подступало чувство вины. Хотелось доказать себе и другим, что «я царь еще»... И тогда он пел как бог. Душа поднималась в горние выси, никто не мог с ним сравниться. И залы ложились к его ногам, как укрощенные звери. И женщины были готовы отдаться тут же, на сцене, или прийти к нему домой и вымыть полы.

Павлу необходима была эта власть, она его поддерживала в собственных глазах. Через какое-то время начиналась предалкогольная депрессия, в душе разверзалась пропасть, ниже которой не упасть. Дно вселенной.

Так и жил, объединяя в себе расстояния от самого дна до самой высоты.

Ирина Панкратова мечтала о самостоятельной концертной деятельности.

В свободное от работы время сидела за роялем по пять часов. Ее любимые композиторы: Чайковский, Шопен, Рахманинов.

Когда долго не подходила к роялю, начинала тосковать, перемогаться, как будто находилась в замкнутом помещении. В лифте, например.

Хотелось вырваться на волю. И когда открывала ноты, у нее от нетерпения дрожали руки. Тоже своего рода музыкальные запои, но эти запои не опустошали, а, наоборот, наполняли, очищали.

Ирина думала иногда: а как живут люди, которым не дана музыка?... И любить она могла только человека от музыки, посвященного в ее веру.

Сырихи преследовали Павла, как стая собак. И случалось, догоняли, и он отсутствовал по неделе. Вот где нервотрепка: придет, не придет... А вдруг напоролся на молодую хищницу... Не устоит, только пискнет.

Эти молодые певички из шоу-бизнеса поют в коротких шортах, задница – наружу и сиськи вываливаются из лифчика. Голос – нуль, только и умеют что вертеться. «Смотрите здесь, смотрите там, может, я понравлюсь вам»...

Ксения ненавидела их биологической ненавистью, а Софья Петровна вздыхала украдкой. Лишила сына счастья. Обеспечила ему стабильность, а счастье украла. Заменяла одно другим. Заменяла бриллиант стекляшкой. Любовь заменила привычкой. Бедный, бедный Павел.

Все оправдывал Вова. У него должна быть полная семья, и она у него есть: папа, мама и бабушка.

А любовь... Она благополучно проходит и часто превращается в свою противоположность. В ненависть. Так что не стоит печалиться. Главное – дело и дети.

Ирина мечтала о концертной деятельности, но концерты – это мечта. А реальность – Павел. Она жила только в те минуты, когда видела его и слышала. Она неслась с ним на одной волне, и куда ее занесет – не имело значения. Только бы он. Только бы с ним. Без Павла все было холодно, темно, как в погребке. Появлялся Павел – и вокруг Куба, солнце, карнавал.

Они могли молчать подолгу, просто присутствовать в одном времени и пространстве. Они не уставали друг от друга. Наоборот. Все становилось разумным и насыщенным, как будто в суп добавляли соль и специи.

Мама Ирины беспокоилась: дочь заиклена на женатом и пьющем. Что, больше нет других мужчин?

Других мужчин не существовало для Ирины. Так... Ходят... Гомо сапиенсы. Какой от них толк? Что они добавляют в жизнь?

А Павел – это сама музыка, красота и осмысление. Он осмысляет жизнь вокруг себя и дарит это другим. Берите, если способны взять...

Ирина обожествляла Павла. Сотворила себе кумира. А ведь это грех. Но что поделать? Хочется иметь личного бога.

Иногда ее охватывала паника: а что же дальше? Дальше – ничего. Надо хвататься за весла и отгребать как можно дальше, как лодка от тонущего «Титаника». Иначе засосет в воронку. Умом понимала, но возраст любви бушевал в ней. Желание любить, продолжать род, быть верной и жертвенной. Готова была умереть за него. Слава богу, что это не понадобилось.

Часто репетировали в его доме. Это было уютнее, чем в пустом холодном зале.

Закрывали плотно дверь, а за дверью шла повседневная жизнь. Ксения ходила в тесном халате, все время что-то терла, стирала, варила. Батрачила, как домработница. Она была милая и безобидная, как кошка. Кошку невозможно пнуть, хочется погладить.

Сыночек носился по дому, как хозяин жизни, – писклявый, трогательный. Ему разрешалось все. Иногда он выходил из берегов, и тогда бабушка делала ему замечание, выговаривала со строгим лицом. Вова заглядывал в самые зрачки бабушки, искал слабинку. И находил. И тогда из него исторгался победный вопль, Вова шел вразнос, был неуправляем, как Чернобыльская АЭС перед взрывом. Излишняя любовь перечеркивает всякое воспитание.

Но что делать? Невозможно же не любить такого единственного и самого драгоценного! Ирина вела себя скромно. Ела мало. Поиграла и ушла.

Все случилось в день его рождения. Летом.

Семья была на отдыхе в Прибалтике. Далеко. Павел попросил Ирину помочь по хозяйству. Накрыть стол.

В доме осталась прислуга тетя Зина. Вместе с тетей Зиной начали хлопотать, придумывали холодные закуски.

У Ирины были «вкусные» руки. Особенно ей удавались паштеты и салаты. Она совмещала несовместимое, и получалось то, что во Франции называется «петит шедевр». Маленький шедевр.

Тетя Зина купила перепелиные яйца для украшения блюд. Они их сварили, облупили и стали пробовать. Стояли друг против друга, жевали, прислушиваясь к вкусовым ощущениям. Эти минуты почему-то врезались в память. Ничего особенного не происходило. Жевали, смотрели бессмысленно. А вот запомнилось, и все.

Дальше пришли гости, в основном музыканты с женами, певцы, критики, кое-кто из начальства.

Павел любил начальство. Расположить к себе нужных начальников – значит сделать дорогу ровнее, без ям и колдобин. Значит, получать хорошие залы и выезжать за границу. Много хорошего происходит на гладкой дороге. Главное – экономия времени. Экономия жизни.

Гости собрались в прекрасном настроении, в предчувствии реальной выпивки, эксклюзивной закуски и качественной беседы.

Мама Павла готовила незабываемо прекрасно, но в этот раз мамы не было. И жены не было. Сидела никому не известная аккомпаниаторша, молодая и никакая. А что она здесь делает?

На последних афишах они все время были вместе, а это значит: совместные репетиции, совместные гастроли. Может, любовница? Тогда почему приперлась на семейный праздник и села? Не сама же она приперлась. Хозяин позвал. А впрочем, какая разница? Водка холодная, вина – грузинские, закуски – свежайшие.

Застолье разворачивалось. Павел напился и даже танцевал. Двигался он не очень. Пузом вперед.

Всем было беспричинно весело. Самое качественное веселье – беспричинное.

Несколько раз звонили из Прибалтики. Мама волновалась: не запил ли? Конечно, запил. Но первые часы запоя – это квинтэссенция счастья. Это то, из-за чего... Потом уже проваливаешься в черный мешок и ничего не помнишь. А вначале... Небо над головой рассыпается салютом победы, торжеством бытия...

Ирина не ушла домой. Помогала тете Зине убрать со стола. Выполняла приказы Павла: дай воды, дай пепельницу, дай то, это, сядь, принеси, ляг рядом...

Ирина металась, подносила, уносила, легла рядом.

Как это случилось? Он позвал, она покорилась. Куда девалась тетя Зина? Заснула в другой комнате или бодрствовала?..

Гости ушли – это она помнила. Павел быстро заснул. И это помнила. А вот она – не спала. Любила его каждой клеточкой, каждым миллиметром своего тела. Покрывала его лицо тихими летучими поцелуями. Лицо, и руки, и плечи. Оберегала, как грудного младенца. Нежность переливалась через край. Он мог задохнуться от ее нежности. Но обошлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.